

УДК 329

Партийно-клановые структуры и власть в Израиле

Тороус Николай Александрович

Аспирант,

Балтийский Государственный Технический Университет им. Д.Ф. Устинова,
188380, Россия, Ленинградская обл., Гатчинский р-н., п. Вырица,
ул. Баркановская, д. 64;
e-mail: ntorous@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена типология неформальных внутрипартийных группировок как неотъемлемого атрибута израильских партий, дан анализ процесса эволюции партийно-клановых структур власти современного Израиля. Основными факторами, по мнению автора, обусловившими формирование «почвы» для возникновения и последующей эволюции неформальных внутрипартийных группировок, следует считать превращение общества из «унитарного» в плюралистическое, легитимацию идеи мультикультурализма и возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп.

Ключевые слова

Израиль, субэтнические группы, политические партии, партийно-клановые структуры, неформальные внутрипартийные группировки, «левые», «патрон», Партия Труда, Ликуд.

Обращаясь к такой теме, как «партийно-клановые структуры власти в рамках партийно-политической системы современного Израиля», необходимо начать с краткого анализа

социальной среды – ее особенностей, «подводных камней», что позволит более точно описать причины и механизмы возникновения, а также эволюцию структуры и форм неформальных

внутрипартийных группировок как неотъемлемого атрибута израильских партий.

Как известно, одна из основных внутренних проблем Израиля – взаимоотношения между ашкеназами и сефардами. Около 80% всех евреев мира – ашкеназы, и лишь 20% – сефарды. Однако в Израиле более половины еврейского населения составляют сефарды. В этой связи следует отметить характерную особенность, обнаруженную еще А. де Токвиллем в 1830-х годах при сравнении аристократических европейских и демократических американских правительств, заключающуюся в большей коррумпированности именно демократического правительства, составленного из представителей демократических партий¹. В аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели – это бедные люди, и им только предстоит нажать состояние. Это можно сказать и о партийном руководстве, о партийных функционерах разного уровня, в данном случае – его сефардской части.

¹ Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – С. 144

Подобное положение сложилось сравнительно недавно. Когда в 1948 году был основан Израиль, его население в основном состояло из ашкеназов. Создавая израильскую культуру, «отцы-основатели» – представители первой-второй волн алии – представляли себя «наставниками» всего общества. В качестве «статусной группы» это поколение создало свои культурные и языковые символы. Оно говорило на иврите так, как способны на это только уроженцы Израиля, что еще больше подчеркивало различие между ними и новыми иммигрантами. Бесконечные испытания в самых драматических ситуациях с нередкой необходимостью самостоятельно принимать ответственные решения, способствовали развитию в представителях этого поколения нескольких характерных черт: решительности, нежелания полагаться на других и т. д. В той или иной мере этому способствовало влияние ницшеанского мифа о «новом человеке» – антитезе галутному, закабаленному столетиями жизни в изгнании еврейству². Это привело к тому, что у большинства урожен-

² Бен-Рафваэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля / Под ред. А. Эпштейна, А.

цев Израиля сформировалось презрительное отношение к иммигрантам, приехавшим в Израиль, в которых они продолжали видеть носителей «моральной ущербности» евреев, живущих на положении притесняемого меньшинства в странах диаспоры.

Важно заметить, что особенностью начальных этапов функционирования партийно-политической системы Израиля является доминирование, безраздельное пребывание у власти (в течение почти тридцати лет) партийно-блоковой структуры МАПАЙ-Маарах, представляющей собой яркий пример закона дезинтеграции партии большинства (закон Я. Гашека) и «железного закона олигархии» Р. Михельса в действии.

Необходимо отметить и тот факт, что Партия Труда традиционно была партией ашкенази, европейских, в основном польских евреев. При этом ашкеназская часть элит Израиля – это, как правило, выразители левых политических взглядов.

Таким образом, затрагивая на первый взгляд совершенно не связанную с рассматриваемым вопросом тему о принципе разделения властей, системе сдержек и противовесов,

---

Федорченко. – Москва / Иерусалим, 2002. – С. 16.

нужно сказать, что судьи Верховного суда – это высококвалифицированные правоведы, всегда относящиеся к высшему сословию (подавляющее большинство судей являются светскими людьми, почти все они – ашкеназы), что само по себе создает определенный дисбаланс сил, поскольку в израильском обществе важную роль играют не только статусные, но и этнические, культурные характеристики³.

Судьи Верховного суда не составляют большинство членов Комиссии, однако число их представителей больше, чем число представителей любой другой структуры власти, а потому их влияние на назначение своих будущих коллег особенно велико. Неизбежные разногласия между представителями различных политических партий, делегированных в Комиссию правительством и парламентом, делает мнение судей Верховного суда (выражаемое, как правило, консенсуально) решающим при отборе канди-

---

3 Эпштейн А. Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни страны. Предварительные итоги «Конституционной революции» и практики «судебного активизма» 1990-х годов // Ближний Восток и Современность. – 1999. – № 8. – С. 225.

датур будущих судей и их назначении. Поименный состав Комиссии (т. е. тех её членов, которые были делегированы различными уполномоченными на то структурами – Коллегией адвокатов, Правительством и Парламентом) является легитимной темой судебного контроля.

Следовательно, отличительной чертой политической системы Израиля на определенных этапах ее функционирования выступает доминирование субэтнической группы, а именно ашкенази, чьи представители традиционно занимают ключевые позиции в структуре института судебной власти, а также в парламенте страны в период доминирования/пребывания у власти Партии Труда.

Вместе с тем нужно учесть деятельность, направленную на деполитизацию судебной системы, результат которой проявился как в отказе судей от формального членства в какой бы то ни было партии, так и в их подчеркнутом неучастии в любого рода политических и партийных мероприятиях⁴.

Карни Эльдад, политический обозреватель «Гаарец», анализируя

4 Зиссерман-Бродская Д. Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях. – Иерусалим, 2000. – С. 10.

похожие («зеркальные») иски, поданные левыми организациями против незаконного строительства поселенцев, и иски, которые были поданы правыми организациями против незаконного арабского строительства, приходит к выводу, что решения Верховного суда грубым образом склоняются в определенную политическую сторону: «Сравнительная статистика показала, Верховный суд поддерживает левых и арабов»⁵. Например, сколько времени отводит БАГАЦ ответчику на предварительную реакцию (самая первая реакция на исковое заявление)? Если иск подан левыми организациями, речь идет о 25 днях. Однако если иск поступает от правых, ответчикам предоставляется 88 дней. Еще до того как будут заслушаны обе стороны, суд может издать промежуточное постановление. Здесь мы имеем, пожалуй, наиболее грубый пример неравенства: по 90% исков, которые были поданы левыми и арабами, БАГАЦ издал промежуточные постановления. Что касается исков, поданных правыми, эта цифра сводится к нулю.

Говоря о судейской коллегии, надо полагать, что соображения, свя-

5 Эльдад К. Сравнительная статистика показала: Верховный суд поддерживает левых и арабов // Гаарец, 2010. – 11 июля. – С. 6.

занные с назначением судей, носят исключительно профессиональный характер. Однако в 60% заседаний по искам, поданным левыми и арабами, участвует председатель Верховного суда Дорит Бейниш. При этом в подобных заседаниях, когда речь шла об исковых заявлениях правых организаций, она не участвовала ни разу.

Другой характерный пример: количество пройденных дней с момента подачи иска до первого судебного заседания составляет 389 дней, когда речь идет об исках, поданных правыми, и 177 дней, когда иски подают левые и арабы. В ходе процесса суд быстро выносит приговор, когда речь идет о «правых» исках. Среднее число судебных заседаний таково: 0,5 по «правым» искам и 1,9 (почти в четыре раза больше) по «левым» искам.

При этом такой институт израильского гражданского общества, как СМИ, имеет чётко выраженную тенденцию влево – причём, как правило, тенденцию нескрываемую. Опросы показывают, что по любому из вопросов, беспокоящих израильское общество, взгляды среднестатистического израильского журналиста располагаются не просто левее, а гораздо левее взглядов среднестатистического из-

раильянина⁶. М. Фейглин отмечает: «Объединение судебной системы и прессы является следствием «левацкого» мировоззрения и, одновременно, вытекает из желания зафиксировать новый постдемократический порядок»⁷. Истеблишмент старается навязать обществу «новояз», по которому демократия означает власть БАГАЦа и госчиновников. Когда суверен, то есть народ в лице своих представителей в кнессете, пытается настоять на своем, пресса называет это «законом в обход БАГАЦа. Подразумевается, что народ осмелился обойти настоящего суверена и это, разумеется, «смертельный удар по демократии». Когда, скажем, ликудники, вступившие в партию по идеологическим причинам, настаивают на реализации программы, с которой Ликуд шел на выборы и выиграл их, то это называют «враждебным захватом» и, разумеется, «угрозой демократии».

Абсолютно логично, что левонастроенные правящие элиты «первого Израиля» (политически влиятельные, экономически и культурно господствующие верхние слои аш-

6 Гейзель З. Политические структуры государства Израиль. – М., 1999. – С. 130.

7 Фейглин М. Диктаторское государство и выдача евреев на растерзание // Макор Ришон, 2010. – 24 января. – С. 13.

кеназского среднего класса), сделавшие ставку на нового лидера Кадимы, Ципи Ливни, крайне болезненно восприняли тенденцию роста электорального рейтинга Ликуда перед выборами 2009 г. Соответственно, ими было сделано все возможное для того чтобы убедить «умеренного избирателя» в том, что Нетаниягу, если он станет премьер-министром, приведет к власти «ультраправых экстремистов», положит конец перспективам мирного урегулирования ближневосточной проблемы и поставит под угрозу экономическое и социальное благополучие в стране. Отражая настроения влиятельных левых кругов, ведущие израильские СМИ продолжительное время перед праймериз в Ликуде в изобилии снабжали будущих избирателей расчетами и выкладками, свидетельствующими о том, что доминирующей группой в парламентском списке Нетаниягу выступят так называемые повстанцы – члены фракции Ликуда в 2003-2006 гг. (Реувен Ривлин, Юваль Штайниц, Юлий Эдельштейн, Михаэль Рацион, Эхуд Ятом, Аюб Кара и др., являвшиеся жесткими противниками шароновского плана спасения «идеологии Осло» методом «одностороннего размежевания с палестинскими арабами», и в конечном итоге «вы-

нудившими» Шарона уйти со своими сторонниками из Ликуда в Кадиму⁸).

Главным объектом нападок политических противников Ликуда и его лидера оказался глава правой ликудовской фракции «Еврейское руководство» Моше Фейглин, являющийся выразителем т.н. идеологии «новых правых» – концепции национального развития, основанной на сочетании классических идей ревизионистского движения (идеи «единой Земли Израиля» к западу от реки Иордан) с укреплением национально-культурной идентичности Израиля как еврейского государства.

Как результат, контролируемые этими элитами ведущие израильские СМИ, как только были опубликованы результаты выборов в Ликуде, принялись убеждать общественность, что именно такой ультраправый список Нетаниягу и получил, концентрируя внимание читателей, зрителей и слушателей на наиболее контroversальных высказываниях Фейглина и его соратников.

Согласно практике, сложившейся в израильских партиях, успехи и неудачи партийных политиков есть

---

8 Ханин В. Израиль: предвыборная прелюдия послевыборных расколов. – М., 2010. – С. 94.

во многом результат деятельности выстроенных годами и контролируемых влиятельными партийными «кланами» сетей взаимной поддержки и обмена услугами. Любопытно, что «Еврейское руководство» М. Фейглина, которое практически не имело доступа к этим ресурсам, сумело обеспечить электоральный успех своего лидера почти на голом идеологическом энтузиазме, что несколько дискредитировало Нетаниягу, пытавшегося «перемешать» политическую мозаику на уровне неформальных структур власти в партии. Как отмечает В. Ханин, «в “феномене Фейглина” старая партийная гвардия видит раздражающую ее опасность смены “правил игры”»⁹.

Проведенная Нетаниягу реформа структур Ликуда, в частности, переход к формированию избирательного списка в кнессет путем голосования всех членов партии, имела целью переподчинить лидеру или как минимум ослабить ведущие внутрипартийные неформальные группировки. Успех этой деятельности пока ограничен: в ряде случаев «прорваться» к рядовым активистам через плотные ряды местных и региональных «манипуляторов» ему оказалось крайне

непросто. Этим объясняется провал на праймериз ряда «фаворитов» Нетаниягу, которых он лично пригласил в список и обеспечил им поддержку своего лагеря¹⁰. Сей факт, ко всему прочему, следует интерпретировать как шаг в сторону партийного бонапартизма – прямое обращение к партийной массе для искусственного создания и поддержания своей харизмы, завоевания массы на случай ожесточения верхушечной схватки за власть.

Стоит отметить, что именно в период пребывания у власти Ликуда – партии, занимающей правые позиции политического спектра – появились Основные законы о гражданских правах личности: Основной закон о свободе и достоинстве человека и Основной закон о свободе деятельности, принятые в 1992 году (второй из этих законов был принят в 1994 году в новой редакции в период правления Аводы). До этого зафиксированные в Декларации независимости права на свободу вероисповедания и совести, а также отчетливо выраженный в ней принцип «полного общественного и политического равноправия всех граждан без различия религии, расы или пола», никогда не были повторе-

9 Там же. – С. 95.

10 Там же. – С. 94.

ны ни в одном из принятых Кнессетом законов¹¹.

Любопытно, что новая версия Основного закона о правительстве (от 18 марта 2001 г.) также была принята после того, как в результате скорейших внеочередных выборов кресло премьер-министра занял лидер Ликуда, А. Шарон.

Как пишет Э. Бен-Рафаэль в статье «Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе»¹², «к концу эпохи Мапай-Маараха сформировалась практика «наследственной дискриминации» – порочный круг, в котором сабры (ашкенази) восточноевропейского происхождения, воспитываясь в соответствующей культурной среде и получив хорошее образование, приходили на места своих отцов в госу-

дарственном и управленческом аппарате, а дети восточных репатриантов, проведя тяжелое детство в городах развития, продолжали отставать в социокультурном плане»¹³.

Такое положение дел способствовало дальнейшему развитию института т.н. «домашних кружков» – неформальных внутривнутрипартийных группировок, поддерживающих тех или иных политических лидеров. Согласно В. Ханину, это неотъемлемый атрибут израильских партий едва ли не с момента их зарождения в рамках сионистского движения начала прошлого века¹⁴. Речь идет о достаточно аморфных, но сравнительно стабильных группах партийных политиков, связанных отношениями взаимной лояльности и обмена услугами. Члены таких неформальных группировок, известных как «клики» или «политические кланы», обычно замыкают на себя контакты с функционерами и активистами исторически связанных с партиями деловых, производственных, образовательных, информационных, культурологических институтов, а также женских, молодежных,

13 Там же. – С. 17.

14 Ханин В. Партийно-клановые структуры власти современного Израиля. Опыт типологии // Ближний восток и Современность. – 2007. – №33. – С. 42.

11 Эпштейн А. Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни страны. Предварительные итоги «Конституционной революции» и практики «судебного активизма» 1990-х годов // Ближний Восток и Современность. – 1999. – №8. – С. 236.

12 Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля / Под ред. А. Эпштейна, А. Федорченко. – Москва / Иерусалим, 2002. – С. 15-47.

секторально-этнических и поселенческих (коллективные поселки внутри и за «зеленой чертой») движений.

Превращение ведущих израильских партий из массовых движений в преимущественно парламентские организации обусловило существенную трансформацию партийно-клановых структур власти в Израиле. Причинами изменений такого порядка выступают:

- превращение общества из унитарного в плюралистическое;

- легитимация идеи мультикультурализма и возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп;

- постепенный перенос центра тяжести с работы с собственными членами на работу по мобилизации электоральной поддержки широких масс населения.

Так в партиях постоянно снижалась роль формальных бюрократических институтов и, соответственно, шло снижение роли партийной бюрократии и возрастание значения политтехнологов, аналитиков и структур по формированию общественного мнения, а также внепартийных, в том числе неформальных механизмов политической мобилизации и внешних источников финансирования.

Политические кланы или, по-другому, неформальные группировки партийных политиков выходили за рамки «материнских партий» и связанных с ними организаций и движений, превращаясь тем самым в ядро (центр) более широких сетей взаимоотношений с деловыми, управленческими, академическими, военными, информационными и прочими кругами, элитами и группами интересов. Так, например, Э. Барак, победив в 1999 году на прямых выборах премьер-министра, объявив себя «премьер-министром всех-всех-всех», последовательно укреплял клановые, по сути, структуры своей личной власти в рамках аморфного избирательного блока «Единый Израиль» за счет формальных структур Партии Труда.

Другой пример – Ликуд, где в сложном симбиозе конкурентного сотрудничества функционировали исторически связанные с движением разнородные группы идеологических, политических, социально-экономических и общинных интересов. В рамках движения постепенно сформировалась сложная комбинация формальных и неформальных структур власти. Ее ядром на определенном этапе стал «ближний круг» А. Шарона, на тот момент лидера партии

и премьер-министра, известный как «Форум Шикмим» (по имени фермы в Негеве, принадлежащей семье Шаронов). Данная структура возникла как группа поддержки А. Шарона в борьбе за его лидерство в Ликуде после выборов 1999 года. В состав группы, координаторами которой были личный советник Шарона адвокат Дов Вайсглас и сын А. Шарона Омри, входили политтехнологи Эяль Арад, Реувен Адлер, Лиора Хорева и Кальман Гаера, тщательно отобранные влиятельные (или, вследствие принадлежности, ставшие влиятельными) представители политической, военной, профессиональной, административной, СМИ и деловой элиты страны, связанные с лидером многоплановыми персонально-деловыми взаимоотношениями.

В. Ханин отмечает: «Группировки типа «Форума Шикмим» А. Шарона и «ближнего круга» Э. Барака существенно отличались от «номенклатурных партократических кланов» в МАПАЙ, структур типа «Советов мудрецов Торы» в партиях ультраортодоксов или семейно-родовых группировок в арабских партиях»¹⁵. Они представляли собой властные структуры нового типа, вплетенные в более

15 Там же. – С. 45.

сложную систему взаимоотношений с традиционными персональными лагерями, идеологическими фракциями и группами интересов в партиях, квази-государственных органах (Гистадруте, Сохнуте, Земельном Фонде и т. д.) и институтах исполнительной власти. Однако и для новой институционализированной формы отношений политического клиентелизма инфраструктура партий, и прежде всего их «центры» – постоянные члены периодически созываемых партийных конференций, нечто вроде расширенного состава ЦК, – остаются главной политической «площадкой», где только и возможна реализация максимальных властных амбиций. К примеру, Амир Перец, занимавший в 2005 году пост председателя Гистадрута, оказался победителем в борьбе за пост лидера Аводы за счет поддержки коалиции, состоящей из части «старых кланов» Партии Труда (Ш. Симхона, Б. Бен-Элиэзера); бывших активистов «профсоюзной» партии «Ам Эхад» (в основном – членов рабочих комитетов государственных и профсоюзных компаний); «третьего поколения» номенклатуры МАПАЙ и идеологической группы «новых левых», инициировавших принятие партией «концепции Осло». Иная комбинация этих же

сил в 2006 г. способствовала замене А. Переца И. Бараком.

Как отмечает В. Ханин, успех любого из кандидатов на внутрипартийных выборах¹⁶ в Партии Труда зависит не столько от привлекательности их идеологии, сколько от способности заручиться поддержкой влиятельных партийных кланов¹⁷. В. Ханин пишет: «В 2007 году часть из них поддержали Ами Аялона, ранее занимавшего должности главкома ВМС и директора Службы общей безопасности (ШАБАК), однако Э. Бараку удалось привлечь на свою сторону влиятельного министра национальных инфраструктур Биньямина Бен-Элиэзера, который на слете своих сторонников, проходившем в Тель-Авиве, призвал

---

16 В качестве поправки к закону о партиях от 1992 г. по инициативе Аводы в 1996 г., дабы устранить всевластие партийных штабов при составлении партийных списков, были введены «праймериз» – промежуточные выборы для отбора кандидатов в Кнессет (ранее это входило исключительно в компетенцию штабов партий). Несмотря на все недостатки и издержки принятой системы, результатом впервые проведенных праймериз стало невиданное до этого обновление политической элиты страны. Так по результатам выборов 1996 г. (кнессет 14-го созыва) 40% депутатов пришли в политику впервые.

17 Ханин В. Израиль: к теории и практике публичных политических «взрывов». – М., 2008. – С. 11.

их голосовать за Барака; министра сельского хозяйства Шалома Симхона, который помимо своего лагеря поддержки задействовал личные связи с руководством Объединенного кибуцного движения (ТАКАМ), тем самым обеспечив поддержку Барака со стороны этого сектора, составляющего около 40% постоянных членов Аводы»¹⁸. Кроме того, Барак добился расположения т. н. «третьего поколения номенклатуры МАПАЙ», два видных представителя которого – генсек Аводы Эйтан Кабель и министр туризма Ицхак Герцог – ориентировали свои «лагеря» поддержать Барака на предстоящих праймериз, что в совокупности обеспечило победу Барака.

Избирательная формула, а именно изменение механизма выборов премьер-министра страны, придает дополнительный импульс процессу формирования неформальных структур власти¹⁹. Так как прямые выборы премьер-министра в Израиле более не практикуются, каждому из лидеров, если они заинтересованы в том чтобы возглавить правительство, придется

---

18 Там же.

19 В 1992 г. кнессетом был принят второй по счету Основной закон о правительстве, согласно которому вводились прямые всеобщие выборы премьер-министра страны.

«конвертировать» свой личный рейтинг в голоса, поданные избирателями за их политические партии. А для этого им нужно не только сохранить «домашних» избирателей этих партий, но и вернуть ту часть бывшего электората Аводы, Ликуда и их предшественников (соответственно, МАПАЙ и блока херутников-ревизионистов и либералов – ГАХАЛ), которые уже довольно давно откололись от «твердого ядра» их избирателей.

Период правления Б. Нетаниягу, с 1996 года – фактическое вступление в силу Основного закона о правительстве 1992 года – характеризуется усилением внутривластных интриг; многочисленные кризисы привели к внеочередным парламентским выборам 1999 г. Период правления следующего премьер-министра, Э. Барака, продлился лишь до 2001 г. Характерно, что на первом же заседании правительства во главе с Э. Баракком было принято решение о существенном расширении кабинета министров с 18 до 24 членов²⁰.

Пример лейбористской Партии Труда Израиля подтверждает тезис о том, что социал-демократические

партии, как правило, усматривающие смысл своего существования в установлении общественной и государственной демократии, и в теории должны иметь образцовую демократическую организацию собственной внутрипартийной жизни, а на практике превращаются в ядро структур личной власти того или иного лидера-патрона в рамках аморфного избирательного блока. Как отмечал Р. Михелс в работе «Социология политической партии в условиях демократии», причиной этому служат социальные процессы, в частности социальная трансформация рабочих партий, которая ведет за собой трансформацию политическую: «партия становится выразительницей интересов не только рабочих, но и всех трудящихся», т. к. новая политическая реальность требует, чтобы для достижения успеха партия обращалась к предельно широкому кругу избирателей²¹.

Элита рабочих партий или партийное руководство с течением времени получают дополнительные

20 Воробьев В.П., Чайко И.А. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ. – М., 2006. – С. 158.

21 Михелс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Мир политической мысли: Хрестоматия по партологии. Кн. 1: Основоположники партологии / Под ред. Б.А. Исаева, А.К. Голикова, В.Е. Юстужева. – СПб., 2002. – С. 162.

мотивы, чтобы игнорировать мнение руководимой массы, предоставляя ей минимум информации и принимая важнейшие решения без апелляции к ней. Разрыв ранее тесных отношений между партийным руководством и рядовыми членами, характерный для первых этапов функционирования социал-демократических партий, привел к олигархизации последних²².

Уже в 1999 году было очевидно, что оба тогдашних кандидата на пост премьера, и Барак и Нетаниягу, были больше озабочены числом голосов, которые будут поданы за них лично, чем количеством мандатов, которые смогут собрать их партии. Соответственно, они были вполне готовы поделить эти мандатами, например, с секторальными движениями, в случае если лидеры последних обеспечат им «правильный» выбор этих общин.

Возвращение к старой системе голосования только за партийные списки вновь поставило перед лидерами задачу «привязать» голоса своих сторонников к партиям, во главе которых эти лидеры шли на выборы. В 2003 году эту задачу вполне решил Шарон,

подавляющее большинство персональных сторонников которого проголосовало за его тогдашнюю партию Ликуд. При этом у Шарона, который активно выстраивал в рамках своего лагеря неформальные структуры его персональной власти, была и сверхзадача: интегрировать в эти структуры партийные институты Ликуда. Этого Шарону, равно как и ранее Бараку, который, победив на выборах 1999 года, пытался превратить свой «клан» в ведущее звено избирательного блока «Единый Израиль» и переподчинить ему формальные структуры партии Труда, так и не удалось. В дальнейшем Шарон попробовал объединить «плавающие голоса» обоих «умеренных» лагерей – и своих «шаронистов», и «баракистов» (претензии на лидерство которым после временного ухода из политики Барака в 2001 году заявил Шимон Перес) под «зонтиком» новой партии власти – Кадимы, созданной в ноябре 2005 года.

Реализация «плана размежевания» потребовала выстраивания отношений с различными компонентами инфраструктуры движения, которые Шарону следовало, согласно его политической логике, превратить в элементы становления режима своей личной власти.

---

22 Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем: Учеб. пособие. – М., 2008. – С. 154.

Это затронуло статус идеологических фракций, которые прежде играли роль важного элемента симбиоза Ликуда. Занимая официально одну из верхних позиций в иерархии формальных и неформальных партийных структур, эти фракции, как правило, действующие в виде «кружков» или «форумов» (к примеру, «Форум за сохранение идеологических ценностей Ликуда», блок «Еврейское руководство» и др.), очевидно влияли на расстановку политических сил и процесс принятия политических решений²³.

В условиях превращения Ликуда в главный «двигатель» «плана размежевания» партийные бюрократические институты и связанные с ними формальные и неформальные структуры резко усилились за счет идеологических групп. Так, для завершения процесса одностороннего отделения Шарону оказалось недостаточно статуса «харизматического лидера» партии, чтобы выиграть внутривнутрипартийный референдум по данному вопросу и ряд голосований по связанным с ним темам в ЦК и на съездах Ликуда. Лишь поставив своих людей во главе Секретариата Ликуда (партаппарат),

23 Ханин В. Партийно-клановые структуры власти современного Израиля. Опыт типологии // Ближний восток и Современность. – 2007. – №33. – С. 47.

Исполкома ЦК (органа политического руководства) и Политбюро, ответственного за выработку официальной идеологической линии движения, и усилив значение двух последних, А. Шарон сумел восстановить контроль над собственной партией.

К таким ресурсам следует отнести поддержку третьей группы внутривнутрипартийных структур – «лобби», «направления» и другие группы оформленных секторальных интересов: этнокультурные, социальные, региональные, профессиональные и т. д. Часть из этих категорий – репатрианты, «религиозные», этнические меньшинства, молодежь, женщины, интеллигенция, жители сельскохозяйственных поселений и городов развития – имеют формальные организационные рамки и «бронированные» за представителями этих групп места в избирательных списках.

Наиболее влиятельную группу партийных институтов составляют персональные политические лагеря. Верхушку израильского варианта группировок кланового типа образует сравнительно узкая группа представителей политической и административной элиты национального и регионального уровня, связанных отношениями личной лояльности и вза-

имным обменом услугами. В Ликуде до его раскола в 2005 г. структуры такого рода были представлены лагерем премьер-министра А. Шарона, министров Б. Нетаниягу, С. Шалома, Ц. Ханегби, И. Каца и Л. Ливнат²⁴.

Среднее звено клановых структур Ликуда образовывали сравнительно стабильные «неформальные политические группы», состоящие из членов пленума ЦК, как правило, функционирующих на базе крупных отделений партии, муниципальных блоков и административно-хозяйственных структур. Это группа «профсоюзных бойцов» Хаима Каца, «иерусалимские группы» Ицхака Койфмана, Игаля Амеди и Рафи Бар Хена; «северные группы» братьев Леви, Гастона Малка и Ицхака Регева и т.д. Именно в руках этих групп фактически находилось формирование основного состава Центра партии и функционирование его основных секторальнолоббистских институтов.

Лидеры таких неформальных групп, как правило, находятся в отношениях взаимного обмена услугами с лидерами ведущих лагерей. В. Ханин характеризует эти связи как весьма подвижные: «В 2005 году глава «йе-
24 Там же. – С. 48.

менитской муниципальной группы» активистов ЦК Ликуда, Узи Коэн, покинул лагерь сторонников Биньямина Нетаниягу и открыто перешел на сторону Сильвана Шалома»²⁵.

Нижнее звено ликудовских «кланов» образуют члены ЦК, известные как «электоральные посредники» – политические назначенцы в министерствах и госкомпаниях, представители контролируемых Ликудом муниципальных органов и общественных организаций, в арабоязычном секторе это вожди бедуинских племен и старейшины друзских деревень.

Таким образом, в Ликуде, как и во многих других израильских партиях, а также вокруг них, образуются широкие «патронажно-клиентельные сети», превращающие политические кланы в развернутые структуры.

Являясь институционализированной формой отношений политического клиентелизма, партийно-политические кланы в Израиле контролируют реальный механизм функционирования «партийных машин», включая формирование избирательного списка и назначения в партаппарате; разветвленную систему связей с представителями различ-
25 Там же.

ных общественных элит (бюрократической, силовой, хозяйственной, информационной, религиозной, академической, предпринимательской). Их участники объединены системой непосредственно-личностных (родственных, дружеских, этнических, земляческих) или превращенно-личностных (деловых, профессиональных, административных, имущественных) взаимоотношений.

Отношения членов политического клана с его лидером строятся на принципах персональной лояльности последнему, взаимном обмене услугами. Патрон вправе рассчитывать на максимальное задействование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления своего положения во властных структурах. Лидер, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения: политические, административные и профессиональные назначения, а также обеспечение доступа к источникам материальных и социальных привилегий²⁶.

Официальным лидерам Аводы, Кадимы и Ликуда – соответственно, министру обороны Эхуду Баракку, лидеру оппозиции Ципи Ливни и премьер-министру Биньямину Не-

26 Там же. – С. 50.

таниягу – сегодня приходится вести непростую борьбу, за сохранение власти со своими конкурентами из числа высшего партийного руководства. Так как на последних выборах эти партии оперировали главным образом личностями своих вождей, их командами и определенным набором электоральных символов, а не сформулированными идеологиями. Следовательно, в новой политической реальности партиям необходимо озаботиться созданием более акцентированных идейно-политических платформ (прежде всего во внешней политике), что, в свою очередь, порождает серьезную конфронтацию между идеологическими фракциями и течениями, весьма нежелательную для движений, обращающихся к предельно широкому кругу избирателей, т. к. последние зачастую делают свой выбор в соответствии с той позицией, которую занимают лидеры той или иной общины, субэтнической группы, что является особенностью Израиля.

Таким образом, сами эти движения становятся ареной обостряющейся борьбы внутрипартийных группировок, поддерживающих личности и платформы тех или иных кандидатов на лидерство.

Список литературных источников

1. Бен-Рафваэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля / Под ред. А. Эпштейна, А. Федорченко. – Москва / Иерусалим, 2002. – С. 15-47.
2. Воробьев В.П., Чайко И.А. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ. – М., 2006.
3. Гейзель З. Политические структуры государства Израиль. – М., 1999.
4. Зиссерман-Бродская Д. Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях. – Иерусалим, 2000.
5. Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем: Учеб. пособие. – М., 2008. – С. 152-159.
6. Михелс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Мир политической мысли: Хрестоматия по партологии. Кн. 1: Основоположники партологии / Под ред. Б.А. Исаева, А.К. Голикова, В.Е. Юстужева. – СПб., 2002.
7. Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
8. Фейглин М. Диктаторское государство и выдача евреев на растерзание // Макор Ришон, 2010. – 24 января. – С. 13-18.
9. Ханин В. Израиль: к теории и практике публичных политических «взрывов». – М., 2008.
10. Ханин В. Израиль: предвыборная прелюдия послевыборных расколов. – М., 2010.
11. Ханин В. Партийно-клановые структуры власти современного Израиля. Опыт типологии // Ближний восток и Современность. – 2007. – №33. – С. 41-53.
12. Эльдад К. Сравнительная статистика показала: Верховный суд поддерживает левых и арабов // Гаарец, 2010. – 11 июля. – С. 6-9.
13. Эпштейн А. Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни страны. Предварительные итоги «Конституционной революции» и практики «судебного активизма» 1990-х годов // Ближний Восток и Современность. – 1999. – № 8. – С. 223-243.

Party-clan structures and power in Israel

Torous Nikolai Aleksandrovich

Graduate student,
Baltic State Technical University "Voenmeh" named after D.F. Ustinov,
P.O. Box 188380, 64 Barkanovskaya st., Vyritsa, Gatchinskii township,
Leningrad region, Russia;
e-mail: ntorous@yandex.ru

Abstract

The article considers the typology of informal intraparty groupings as an inherent attribute of Israeli parties; gives the analysis of the process of evolution of party-clan power structures in modern Israel. In the author's opinion the prime factors which stipulated a kind of formation of quite a soil for uprising and further evolution of informal intraparty groupings we should regard a kind of transformation of the society from a "unitary" into a pluralistic state. The author also considers legitimization of multicultural ideas and growth of politic heft of new elites and various social, cultural and communal groups.

Keywords

Israel, sub-ethnic groups, political parties, party-clan structures, informal party-clan factions, "left", "chuck", the Labor Party, Likud.

Bibliography

1. Ben-Rafvael', E. (2002), Self-definition of various social groups in modern Israeli society. Society and politics of modern Israel. Under the editorship of Epshtein, A., Fedorchenko, A. [*Samoidentifikatsiya razlichnykh sotsial'nykh grupp v sovremen-nom izrail'skom obshchestve // Obshchestvo i politika sovremennogo Izrailya / Pod red. A. Epshteina, A. Fedorchenko*], Moscow / Jerusalem, pp. 15-47.
2. Vorob'ev, V.P., Chaiko, I.A. (2006), Israeli cabinet system: constitutional and juridical analysis [*Izrail'skii parlamentarizm: konstitutsionno-pravovoi analiz*], Moscow.
3. Geizel', Z. (1999), Political structures of Israel [*Politicheskie struktury gosudarstva Izrail'*], Moscow.
4. Zisserman-Brodskaya, D. (2000), Israel Supreme Court and public discussions about its functions [*Verkhovnyi sud Izrailya i publichnaya diskussiya o ego funktsi-yakh*], Jerusalem.

5. Isaev, B.A. (2008), Theory of parties and party systems. Study guide [*Teoriya partii i partiinykh sistem: Uchebnoe Posobie*], Moscow, pp. 152-159.
6. Mikhels, R. (2002), Sociology of political parties amidst democracy. The world of political thought. Reading-book on study of parties. Book 1: Founders of partology. Under editorship of B.A. Isaeva, A.K. Golikova, and V.E. Yustuzova [*Sotsiologiya politicheskoi partii v usloviyakh demokratii // Mir politicheskoi mysli: Khrestomatiya po partologii. Kn. 1: Osnovopolozhniki partologii / Pod red. B.A. Isaeva, A.K. Golikova, V.E. Yustuzova*], St Petersburg.
7. Tokvil', A. (1992), Democracy in America [*Demokratiya v Amerike*], Progress, Moscow, 554 p.
8. Feiglin, M. (2010), Dictator's state and delivery of Jews for torture. Makor Rishon, January 25 [*Diktatorskoe gosudarstvo i vydacha evreev na rasterzanie. Makor Rishon, 24 yanvarya*], pp.13-18.
9. Khanin, V. (2008), Israel: to theory and practice of public and political "tempests" [*Izrail': k teorii i praktike publichnykh politicheskikh "vzryvov"*], Moscow.
10. Khanin, V. (2010), Israel: pre-election prelude after the selection splits [*Predvybornaya prelyudiya poslevybornykh raskolov*], Moscow.
11. Khanin, V. (2007), Party and clan power structures of modern Israel. Typology of the experiment of typology. Middle East and modernity (here and now) [*Partiino-klanovye struktury vlasti sovremennogo Izrailiya. Opyt tipologii // Blizhnii vostok i Sovremennost'*], №33, pp. 41-53.
12. El'dad, K. (2010), The comparative statistics showed: the Supreme Court supports the left and Arabs. Gaarets, 2010, 11th of July [*Sravnitel'naya statistika pokazala: Verkhovnyi sud podderzhivaet levyykh i arabov // Gaarets, 2010. – 11 iyulya*], pp. 6-9.
13. Epshtein, A. (1999), Politico-social consequences of strengthening of the status of the Supreme Court as a dominate structure in the political life of the country. The preliminary results of the "Constitutional revolution" and the proceedings of the "judicial activism" of the nineties. Middle East and up-to-datedness [*Sotsial'no-politicheskie posledstviya ukrepleniya statusa Verkhovnogo suda kak glavenstvuyushchei struktury v politicheskoi zhizni strany. Predvaritel'nye itogi "Konstitutsionnoi revolyutsii" i praktiki "sudebnogo aktivizma" 1990-kh godov // Blizhnii Vostok i Sovremennost'*], №8, pp. 223-243.